

Р. В. Кройтор, В. В. Колода

Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье¹ (Часть 1)

елковая пища животного происхождения — одна из наиболее важных основ полноценного питания человека на протяжении всего периода его истории. Основными способами пополнения животного белка служат охота, рыбная ловля и животноводство. Последний вид деятельности является одной из основ хозяйства практически всех производящих обществ от древности и до сего дня. Не является исключением и раннесредневековое население юга Восточной Европы, в частности восточные славяне.

Одним из славянских племен, занимавших значительные лесостепные пространства Днепровской Лесостепи и Полесья, были племена летописных северян. В своем развитии они прошли две стадии культурных трансформаций: волынцевская археологическая культура середины VII — середины VIII вв. (ранний этап) и роменская археологическая культура — вторая половина VIII—X вв.² Именно в контексте изучения животноводства у населения позднего (роменского) этапа северянских древностей и следует рассматривать данную работу.

Историография

Начало изучения животноводства северян следует связать с общими работами по анализу костного животного материала с памятников восточных славян [2, с. 111–120; 3]. И хотя в них не рассматривались материалы с роменских памятников, это были первые работы по изучению фаунистических остатков с территории Украины. Значительный вклад в исследование зооархеологического материала Восточной Европы был сделан в 50–60-е гг. XX в. В. И. Цалкиным. В ряду его фундаментальных исследований по славяно-русским памятникам [4, с. 211–236; 5, с. 201–224; 6] следует выделить работы, отражающие остатки фауны с городищ роменской культуры [7 с. 285; 8,

¹ Данная статья, посвященная анализу значительного по количеству остеологического материала, который был получен в результате пятнадцатилетних широкомасштабных полевых исследований, по своему объему практически вдвое превосходит допустимый лимит статей сборника «Древности». Однако, авторы считают, что материалы с памятников Харьковщины должны быть опубликованы именно в сборнике, который выходит в данном регионе. В связи с этим единая статья разбита на 2 части. В первой подается историография, методика исследования и анализ археозоологических комплексов с роменских городищ Водяное и Коробовы Хутора. Иные памятники (Мохнач и Городное), а также обобщающий анализ по региону будут поданы во второй части статьи (следующем сборнике «Древности, 2016»).

² На Северском Донце некоторые роменские памятники продолжают свое существование и в первой половине XI в.; например: городища Коробовы Хутора, Мохнач [1, с. 38–40].

с. 91–101]. Уровень понимания животноводства северянского населения, который сложился в науке на первую половину 1970 г., отражен в монографии О. В. Сухобоква [9, с. 102–106].

Среди современных украинских исследователей зооархеологического материала следует отметить О. П. Журавлева. Из его наработок к нашей теме наиболее близко стоит исследование общего характера по животноводству славянского населения восточноевропейской лесостепи [10, с. 34–43], в котором, однако, памятники роменской культуры не представлены. Современные научные представления об уровне развития животноводства северянских племен отражены в работах С. А. Горбаненко — относительно памятников Днепровского Левобережья [11, с. 113–122; 12, с. 65–78], и небольшим очерком в монографии В. В. Енукова — относительно Курского Посемья [13, с. 125–127].

Отметим и работу тезисного характера, в котором рассматриваются фаунистические материалы, обнаруженные в роменских жилищах на городище Мохнач [14, с. 82–84]

Таким образом, животноводство населения роменской культуры изучено явно недостаточно. Оно рассматривалось, как правило, или в общем контексте уровня животноводства славян второй половины I тыс. или совместно с древнерусским этапом развития хозяйства у населения Днепровского Левобережья. Главные причины этого мы видим в недостаточном количестве костного материала, как источниковой базы такого исследования, а также небольшом количестве специалистов-палеонтологов, заинтересованных в изучении даже имеющегося фаунистического материала. Практически не изученной в этом плане оставалась юго-восточная окраина северянского мира, которая входила в контактную зону тесного взаимодействия славян и многоэтнического населения Хазарского каганата (рис. 1)

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических культур юга Восточной Европы в конце I тыс. н. э. (с указанием рассматриваемого региона)

Fig. 1. Map-scheme of the location of East European archeological cultures at the end of the 1st millennium AD (with the indication of the region under investigation)

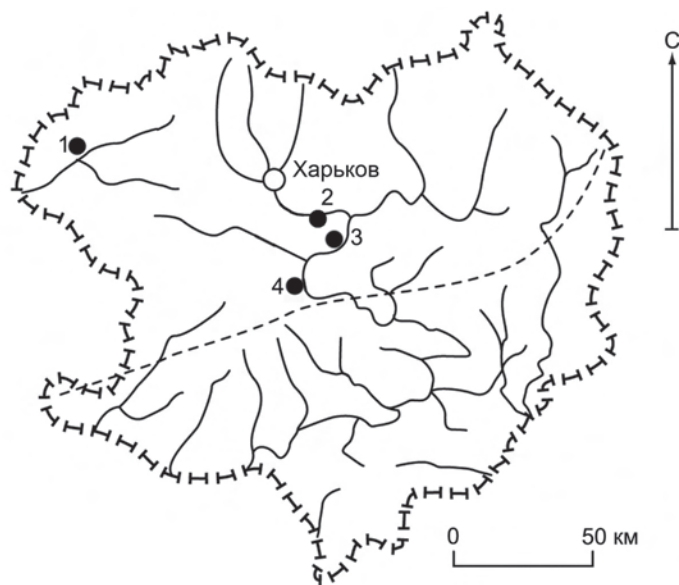

Рис. 2. Харьковская область. Схема местоположения городищ, археозоологические остатки которых рассматриваются в работе:

Городное (1), Водяное (2), Мохнач (3), Коробовы Хутора (4). Пунктиром показана граница степи и лесостепи

Fig. 2. Kharkov oblast. Scheme showing the location of the settlements; their archeozoological remains are discussed in the paper:

Gorodnoje (1), Vodyanoje (2), Mohnach (3), Korobovy Hutora (4). The dotted line indicates the border between the steppe and the forest-steppe

Положение начало меняться в конце XX в. За последние полтора десятилетия в результате плановых и спасательных исследований на роменских памятниках Харьковской области (рис. 2) был получен фаунистический костный материал, который позволил вновь поставить вопрос о роли и уровне развития животноводства у северян контактной зоны славян и населения Хазарии в верхней части бассейна Северского Донца.¹ К ним, прежде всего, относится городище Водяное (на р. Уды, правый приток Северского Донца), где роменские материалы конца X — начала XI вв. локализованы на северо-восточной оконечности мыса в пределах раннесредневекового двора [15, с. 171]. На двух многослойных памятниках — Коробовы Хутора и Мохнач (С. Донец) — также имеются культурные отложения позднего этапа истории северян. В Коробовых Хуторах они выявлены в целом на городище [16, с. 75–76], а в Мохначе — локализованы в пределах южной части мыса городища [17, с. 13]. Археологический комплекс поселений (городище и обширное селище) близ с. Городное² содержит славяно-русские материалы, охватывающие период с IX по XIII вв. [19, с. 129–131]. Последний памятник интересен тем, что дает возможность проследить изменение роли животноводства в процессе освоения северянами конкретного микрорегиона.

¹ Еще одной контактной зоной тесного взаимодействия славян боршевской культуры и населения Хазарии было в конце I тыс. Верхнее и Среднее Подонье.

² Памятник находится на правом берегу р. Мерла (правый приток р. Орель, которая, в свою очередь, является левым притоком Днепра). Данное городище располагалось на кратчайшем пути от компактной группы роменско-древнерусских памятников на Донце к славяно-русским памятникам на Ворскле, а возможно и в более позднее время, как промежуточный пункт в торгово-экономических отношениях Золотой Орды и древнерусских княжеств [18, с. 189, 193, рис. 1–6].

Частично эти материалы проанализированы в ряде работ. В самых общих чертах животноводство северянского населения (и лишь в сравнении с аналогичным занятием населения салтовской культуры) рассматривается в двух работах [20, с. 147–149, рис. 76, табл. 14; 21, с. 312–324]. Основные данные по животноводству городища Водяное освещены в одной из статей, где дается комплексный анализ сельского хозяйства его раннесредневекового населения [22, с. 173–174]. Результаты обработки костного материала с поселения Городище изложены лишь тезисно [23, с. 139]. В значительной мере (но далеки от полноты) они представлены в приложении к монографии по сельскому хозяйству раннесредневекового населения указанного региона [24, с. 181–199]. Это стало возможным лишь в процессе обработки археозоологических материалов с указанных роменских памятников. К настоящему моменту эти материалы обработаны полностью. Результаты их анализа и представлены в настоящей работе.

Материалы и методика исследования

В основу данного исследования лег материал, собранный во время полевых сезонов под руководством одного из авторов статьи (В. К.). Богатый археозоологический комплекс насчитывает 592 костных фрагмента, поддающихся видовому определению. Костный материал в значительной степени разрушен: кости сильно раздроблены, на многих наблюдаются отпечатки корней растений. Определение костных остатков мелкого рогатого скота проводилось по морфологическим критериям, опубликованным В. Громовой [25], Н. Fernandez [26] и Р. Halstead et al. [27]. Промеры костей брались по методике, разработанной А. von den Driesch [28]. В разделе, посвященном морфологическому описанию костных остатков, мы сконцентрировали наше внимание лишь на тех видах, которые лучше всего представлены в остеологическом материале.

Названия археозоологических комплексов (скопления костей в ямах, слоях и отдельных квадратах раскопа) воспроизводятся в статье так, как они указаны в описях. Сокращения, используемые в статье: DLM — латеро-медиальный промер кости; DAP — передне-задний промер кости; L — длина; med — медиальный промер; D — ширина или диаметр; H — высота; dist — дистальный; prox — проксимальный; max — максимальный или наибольший; min — минимальный или наименьший, diaph — диафиз кости (diaphysis); troch — суставной блок (trochlea); M — моляр (коренной зуб); P — премоляр (предкоренной зуб). Верхний или нижний индекс, следующий за условным обозначением зуба, указывает на его порядковый номер в соответственно верхней или нижней челюсти.

Природно-климатические условия

Природно-климатические условия, влияющие на развитие животноводства для населения памятников Северского Донца довольно подробно проанализированы в предшествующих работах [29, с. 49–74;¹ 30, с. 225–237]. Основной вывод сводится к тому, что условия для развития сельского хозяйства, в том числе и животноводства были максимально благоприятными. В нашем случае следует обратить особое внимание на наличие значительных пойменных участков, которые пригодны для выпаса домашних животных и заготовки сена. Кроме того, пахотные поля, оставленные под пар, также могли быть использованы для выгона скота. Природно-климатические условия и возможности для занятий животноводством на памятнике Городное следует признать аналогичными: он расположен в ≈100 км к востоку от Северского Донца в той же южной части лесостепной зоны Восточной Европы, в сходной топографической ситуации, имеет обширные пойменные пространства.

Обзор и тафономическая характеристика археозоологических материалов

Данный обзор считаем необходимым осуществить изначально по отдельным археологическим памятникам, а затем дать общий анализ фаунистических остатков по всей группе. Схема рассмотрения материалов по памятникам является традиционной:

¹ Указанный раздел монографии написан в соавторстве Ю. Г. Чендевым.

систематический обзор костного материала — общая характеристика. После этого следует общий историко-археологический вывод об уровне и направленности животноводства на памятнике и о его роли в жизнеобеспечении населения. Кроме того, в работе с материалами по Городному материал будет учитываться по отдельным выделенным культурно-хронологическим горизонтам.

ГОРОДИЩЕ ВОДЯНОЕ

Систематический обзор

Лось — *Alces alces*. Три особи представлены фрагментами верхних и нижних челюстей, фрагментами трубчатых костей, пяточными костями, фалангами пальцев, а также обугленным фрагментом таранной кости (табл. 1, 2). Судя по размерам третьих нижних моляров, это были крупные особи, по-видимому, самцы (табл. 1).

Таблица 1

Промеры нижних щёчных зубов лося (*Alces alces*)
из роменских памятников Харьковской области

Промеры		Водяное			Мохнач		
P ₄	L	28.2			28.4	28.0	
	D	19.4			20.7		
M ₁	L		28.1				
	D		20.2				
M ₂	L	29.6	31.2		31.0		29.0
	D	21.4	22.7		21.2		22.5
M ₃	L	42.0	41.1	41.5	40.6	38.6	40.4
	D	21.7	19.6	21.0	23.4	22.8	21.6

Таблица 2

Промеры костей конечностей лося (*Alces alces*)
из роменских памятников Харьковской области

Кость	Промеры			
	L	DLM dist.	DAP dist.	D troch
Таранная (talus), Водяное	79.4	48.2	38.0	
Таранная (talus), Мохнач	82.7	52.0	41.0	
Таранная (talus), Мохнач	83.8	53.3	39.3	
Большая берцовая (tibia), Водяное		70.4	57.0	
Большая берцовая (tibia), Мохнач		69.4	51.5	
Большая берцовая (tibia), Мохнач		70.4		
Большая берцовая (tibia), Мохнач		72.2	57.5	
Плечевая (humerus), Водяное		84.5	83.0	61.0

Косуля — *Capreolus capreolus*. Одна особь представлена обеими таранными костями, первыми пальцевыми фалангами, фрагментом нижней челюсти с серией премоляров (P₂-P₄), верхней челюстью с полным рядом щечных зубов (P²-M³) и проксимальным фрагментом метакарпа (табл. 3).

Таблица 3

Промеры костных остатков косули (*Capreolus capreolus*)
из роменских памятников Харьковской области

Кости	Промеры	Водяное	Мохнач
Нижняя челюсть (mandibula)	L P ₂ -P ₄	34.3	33.7
	L P ² -M ³	72.5	
Верхняя челюсть (maxilla)	L P ² -P ⁴	41.0	
	L M ¹ -M ³	35.4	

Пястная (metacarpus)	DLM prox.	30.3	27.4
	DAP prox.	21.7	20.0
Плюсневая (metatarsus)	DLM prox.		23.0
	DAP prox.		26.4
Таранная (talus)	L		33.0
	DLM dist.		20.8
Большая берцовая (tibia)	DLM dist.		31.0; 31.0
	DAP dist.		23.7; 23.8

Благородный олень — *Cervus elaphus*. Следует отметить сравнительно небольшое количество остатков благородного оленя, который по численности уступает лосю и дикому кабану. Материал включает в себя пять пальцевых фаланг, одну поврежденную таранную кость, дистальный фрагмент плечевой кости, четыре фрагмента рогов. Все фрагменты рогов несут на себе следы обработки: часть штанги с ветвлением (отростки и штанга рога обрублены), обрубленный с одного конца фрагмент штанги рога, фрагмент рога с насечками и следами рубки, отросток рога с отшлифованной поверхностью.

Тур — *Bos primigenius*. К туру, или первобытному быку, можно отнести таранную кость, которая отличается исключительно крупными размерами и превосходит аналогичные промеры крупного рогатого скота. Длина таранной кости из Водяного (80,0 мм) находится в границах изменчивости этого промера у тура из Молдавии (77,0–87,5 мм, выборка включает 9 экз.) и близок к среднему значению (81,9 мм). Кость несет следы соприкосновения с огнем.

Дикий кабан — *Sus scrofa ferus*. Материал содержит изолированные коренные зубы, фрагменты челюстей и фрагменты костей конечностей, принадлежащих трем особям. Очень крупные клыки самцов и размеры коренных зубов, особенно третьих моляров, указывают на то, что мы в данном случае имеем дело именно с диким кабаном, а не с домашней свиньей.

Два правых нижних клыка принадлежат исключительно крупным самцам дикого вепря. Длина клыка лучшей сохранности составляет 210 мм, его максимальный диаметр — 29,5 мм, минимальный диаметр — 17,2 мм. Длина нижнего третьего моляра (M_3) составляет 45,0 мм, его ширина — 19,0 мм. Размеры третьего моляра из Водяного превышают величины современного дикого кабана из Русской равнины и попадают в пределы изменчивости неолитического дикого кабана из Молдовы (рис. 3).

Бобр — *Castor fiber*. Остатки бобра включают полный скелет головы (поврежденный череп, правая и левая ветви нижней челюсти, верхние и нижние резцы), а так же пяточная и бедренная кости. Следует отметить, что сравнительно полно сохранившийся череп с нижней челюстью отличает эту находку от других животных из данного памятника.

Медведь — *Ursus arctos*. Медведю принадлежит правая ветвь нижней челюсти с первым и вторым нижними молярами, а так же дистальный фрагмент бедренной кости. Судя по изношенности зубов, костные остатки принадлежат немолодой особи. Размеры нижнего первого моляра: длина — 25,5 мм, ширина — 12,7 мм, второго нижнего моляра: длина — 24,4 мм, ширина — 16,6 мм.

Лошадь — *Equus caballus*. Две особи лошади представлены изолированными верхним и нижним молярами, нижним вторым премоляром, первой пальцевой фалангой, второй пальцевой фалангой, и фрагментами трубчатых костей конечностей. В контексте данного археозоологического комплекса, состоящего примерно на 85% из остатков диких животных, сложно привести четкие аргументы в пользу принадлежности костных остатков дикому тарпану или домашней лошади. Можно лишь отметить, судя по размерам второго нижнего премоляра, на мелкозубость лошади из Водяного, и на удлинённость пальцевых фаланг (табл. 4), что сближает ее с предположительно

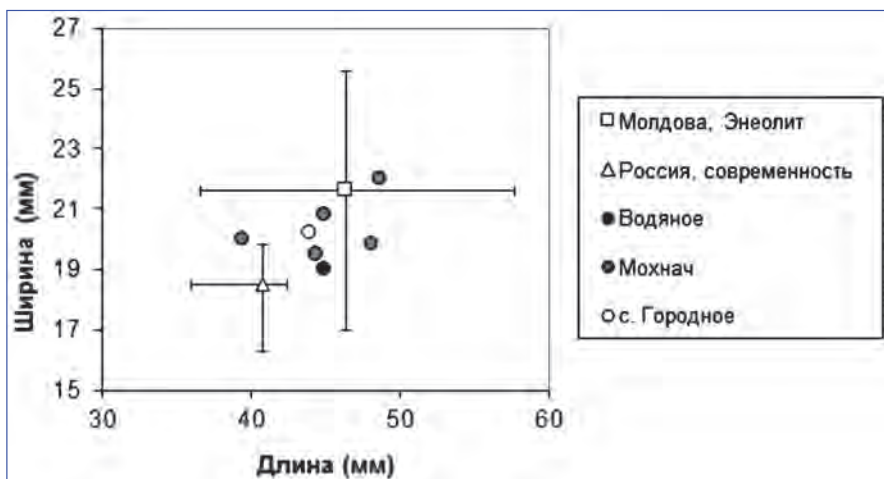

Рис. 3. Размеры третьего нижнего моляра дикого кабана: данные по энеолиту Молдовы [40, с. 40–49]; данные по современным популяциям Русской равнины [41, с. 203–210]

Fig. 3. Size of the third lower molar tooth of a wild boar: the data on the Eneolithic period in Moldova [40, p. 40–49]; the data on the contemporary population of Russian Plain [41, p. 203–210]

домашней лошадей из раннего железного века Крыма. По общим пропорциям относительно тонкая вторая пальцевая фаланга (ширина посередине меньше длины) отличает лошадь из Водяного не только от дикого тарпана, но и ставит особняком среди лошадей из других средневековых памятников данного региона, которые характеризуются массивными широкими вторыми пальцевыми фалангами. Протокон верхнего моляра умеренно длинный (51,4 %), его относительная длина близка к значениям домашних лошадей, однако, в случае если это второй моляр (M^2), то относительная длина протокона может с большой вероятностью так же попадать в пределы изменчивости дикого тарпана.

Таблица 4

Промеры некоторых остатков лошади

Первая пальцевая фаланга	
L max	89.2
L med	79.5
DLM prox	57.0
DLM dist	47.7
DAP dist	24.0
DLM min diaph	38.1
Вторая пальцевая фаланга	
L max	48.0
L med	43.4
DLM prox	51.7
DLM dist	46.9
DAP dist	28.5
DLM min diaph	41.5
Верхний моляр (M^{1-2})	
L M^{1-2}	25.3
D M^{1-2}	25.4
L протокона.	13.0

L протокона / L M ¹⁻² (%)	51.4
Нижний второй премоляр (P ₂)	
L P ₂	32.2
D P ₂	14.1

Крупный рогатый скот — *Bos taurus*. Крупный рогатый скот представлен костями конечностей и одним изолированным верхним моляром. Состояние онтогенетического развития костей конечностей указывает на ювенильный возраст особи: дистальные эпифизы плечевой кости и лучевой кости не до конца срослись с диафизом. На диафизе и верхнем конце плюсневой кости наблюдаются многочисленные следы ударов острым орудием и поперечные насечки. Исходя из размеров таранной кости, костные остатки принадлежат молодому бычку (табл. 5, рис. 4).

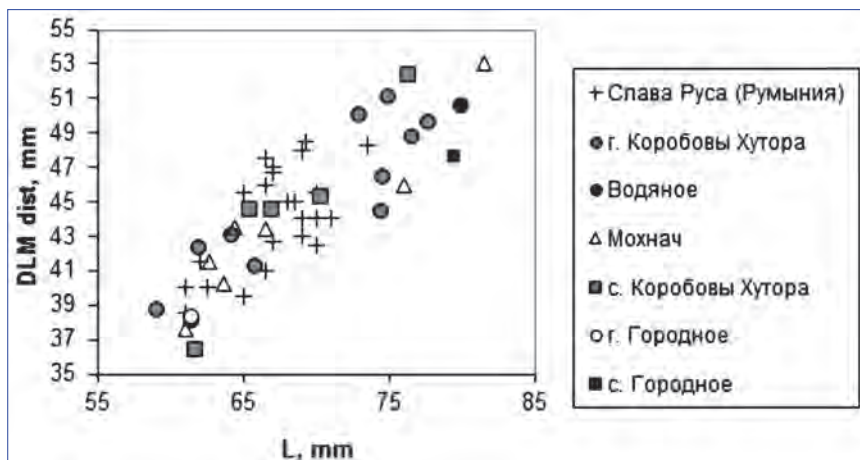

Рис. 4. Размеры таранных костей крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из памятников славяно-хазарского пограничья

Для сравнения приведены данные по крупному рогатому скоту позднеримского времени из Румынии [42]

Fig. 4. Size of cattle hucklebones (*Bos taurus*) from the sites of Slavo-Khazarian frontier For comparison, the data on the cattle of the late Roman period from Romania are provided [42]

Таблица 5

Промеры костей конечностей крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из городища Водяное

Кость	Промеры					
	L	DLM prox	DAP prox	DLM dist	DAP dist	D troch
Таранная (talus), ♂	80.0			50.5	38.2	
Большая берцовая (tibia)				61.0	48.5	
Плечевая (humerus)				68.0	73.0	40.0
Лучевая (radius)		80.0	43.5			
Плюсневая (metatarsus)		45.4	40.5			

Собака — *Canis familiaris*. Собаке принадлежит проксимальный фрагмент лучевой кости и верхний моляр. Возможно, ее присутствие в комплексе случайно и не отражает характер деятельности человека.

Общая характеристика

Археозоологический комплекс млекопитающих из Водяного характеризуется видовым разнообразием и доминированием представителей дикой фауны, которые составляют в комплексе три четверти от общего количества особей. Наиболее обычны в материале остатки лосей и диких кабанов (табл. 6).

**Видовой состав и количество особей и остатков крупных
млекопитающих из городища Водяное**

Вид	кости	особи	следы обработки	обожженные
<i>Alces alces</i>	45	3		1
<i>Sus scrofa ferus</i>	36	4		
<i>Cervus elaphus</i>	14	1	5	
<i>Capreolus capreolus</i>	12	1		1
<i>Bos primigenius</i>	1	1		1
<i>Castor fiber</i>	15	1		
<i>Ursus arctos</i>	5	1		
<i>Equus caballus</i>	14	2		
<i>Bos taurus</i>	8	1	1	
<i>Canis familiaris</i>	2	1		
Всего	152	16	6	4

Кроме того, на печи одного из жилищ (комплекс-14) обнаружено 3 кости лося (*Alces alces*), 7 костей дикого кабана (*Sus scrofa ferus*) и 1 кость благородного оленя (*Cervus elaphus*), что по своему характеру соответствует общей структуре археозоологического материала культурного слоя городища.

Вывод

Исследование фаунистических остатков с городища Водяное показывает, что лишь около 15 % костных остатков принадлежат домашним животным (табл. 6). Зафиксированы кости двух взрослых особей лошади (*Equus caballus*) и одной молодой особи крупного рогатого скота (*Bos taurus*) с еще не вполне сформированным скелетом. В последнем случае, на диафизе и верхнем конце плюсневой кости есть многочисленные следы ударов острым орудием и поперечные насечки, что связано, очевидно, с разделыванием туши. Отметим, что обнаруженные особи как крупного рогатого скота, так и лошади, являются тягловыми животными, используемыми для сельскохозяйственных целей. Это, при отсутствии костей домашней свиньи и мелкого рогатого скота, может также свидетельствовать о подчинении животноводства потребностям пашенного земледелия.

Главным занятием местных жителей в деле обеспечения себя мясной пищей в раннеславянское время была охота на диких животных, среди которых превалировал лось и дикий кабан (более 50 % суммарно как по количеству костей, так и по количеству особей). Следует отметить, что если не все, то большая часть остатков этих животных принадлежит крупным самцам, что указывает на явную избирательность охотников и устойчивый, неслучайный характер охоты. Все кости диких животных раздроблены. Исключение составляет бобр, который представлен практически целым, хотя и поврежденным черепом с нижней челюстью, что может быть объяснено использованием его лишь как источника меха. Следы деятельности человека на костях незначительны: это следы рубки на фрагментах рога благородного оленя (возможно, расчленение рога на небольшие заготовки для дальнейшей обработки), шлифовка на одном фрагменте рога; на некоторых костях диких животных (лося, косули и тура) заметны следы соприкосновения с огнем.

Крайне малый процент домашних животных явно выбивается из общей картины славянских памятников Днепро-Донской лесостепи: для северянских памятников количество костей домашних животных колеблется в пределах 49–81 % [9, с. 104]; для боршевских (на Дону) этот показатель составляет 34–83 % [31, с. 43]. Такое положение дел может иметь, по крайней мере, два варианта объяснения. Первое из них сводится к тому, что, специализируясь на прогрессивном пашенном земледелии, мясную пищу местные жители получали в результате охоты на крупную дичь (лось, кабан). Не исключена и иная причина: синхронно со славянским городищем Водяное, ≈1 км к востоку, существовало открытое поселение салтовской культуры [32, с. 12];

используя военно-политическое превосходство Хазарии, местное салтовское население памятника развивало, прежде всего, свое комплексное хозяйство, ограничивая возможности для животноводства у соседнего славянского населения. Как вариант последней гипотезы можно высказать мысль о довольно мирном сосуществовании двух групп синхронного разноэтничного населения на соседних территориях рассматриваемого микрорегиона, в котором славянское население занималось преимущественно земледелием, а салтовское — приселищным животноводством.

В целом же, незначительная статистическая выборка материалов (менее 20 особей животных) не дает возможности сделать окончательные выводы относительно роли животноводства и охоты, оставляя высказанные мысли гипотетическими.

ГОРОДИЩЕ КОРОБОВЫ ХУТОРА

Систематический обзор

Крупный рогатый скот — *Bos taurus*. По количеству костных остатков и особей это наиболее многочисленный вид в материале. Крупный рогатый скот представлен всеми частями скелета, кроме черепа (табл. 7, 8). Все длинные кости конечностей почти без исключения разбиты. Из 18 изолированных верхних и нижних щечных зубов, 6 нижних зубов составляют один зубной ряд. Две кости (локтевая и пястная) несут на себе насечки, оставленные режущим орудием. Большинство зубов в материале находятся на средней стадии изнашивания. Один нижний моляр (M_1 или M_2) еще не затронут изнашиванием и принадлежит ювильной особи. Судя по половой принадлежности представленных наибольшим количеством таранных костей, коров и быков в условном стаде было примерно одинаковое количество (табл. 7).

Таблица 7

Промеры костей конечностей крупного рогатого скота (*Bos taurus*) из городища Коробовы Хутора

Кость	Промеры (мм)				
	L	DLM prox.	DAP prox.	DLM dist.	DAP dist.
Таранная (talus) ♂	77.8			49.6	37.0
Таранная (talus) ♂	74.5			44.4	35.6
Таранная (talus) ♂	73.0			50.0	37.0
Таранная (talus) ♂	75.0			51.0	
Таранная (talus) ♂	74.7			46.4	35.1
Таранная (talus) ♂	76.7			48.7	35.7
Таранная (talus) ♀	64.3			43.0	
Таранная (talus) ♀	61.5			38.0	27.7
Таранная (talus) ♀	65.9			41.2	29.9
Таранная (talus) ♀	62.0			42.2	30.8
Таранная (talus) ♀	59.2			38.6	28.9
Больш. берцовая (tibia) ♂?				61.0	45.0
Больш. берцовая (tibia) ♀				57.0	41.3
Больш. берцовая (tibia) ♀				51.1	39.5
Больш. берцовая (tibia) ♀				56.0	42.0
Пястная (metacarpus) ♂				64.4	34.2
Пястная (metacarpus) ♀	182.0	53.8	34.0	51.0	26.4
Пястная (metacarpus) ♀				55.0	28.8
Пястная (metacarpus) ♀				54.0	26.5
Пястная (metacarpus) ♀				55.1	31.0
Плюсневая (metatarsus) ?				52.3	30.0
Плюсневая (metatarsus) ♀		46.0	40.0	50.1	27.6
Плюсневая (metatarsus) ♀		42.6	42.2	49.5	28.0

Промеры зубов нижней челюсти крупного рогатого скота (*Bos taurus*)
из городища Коробовы Хутора (миллиметры)

L зубного ряда (P ₂ -M ₃)	145.2
L премоляров (P ₂ -P ₄)	62.0
L моляров (M ₁ -M ₃)	85.4
L P ₄	22.8
D P ₄	13.3
L M ₃	36.1
D M ₃	12.7

Обращает на себя внимание дистальный фрагмент очень крупной пястной кости (ширина дистального эпифиза составляет около 80 мм), которая может принадлежать туру.

Лошадь — *Equus caballus*. Пять особей лошади представлены изолированными щечными зубами, костями конечностей, в том числе целыми: большой берцовой костью и метатарсом, фалангами пальцев, а так же передней частью левой ветви нижней челюсти кобылы (пол определяется по отсутствующему нижнему клыку, который развит только у самцов). Большая часть изолированных зубов в материале находится приблизительно на средней стадии изнашивания. Два нижних и один верхний моляры глубоко изношены и принадлежат сенильной особи. Один третий верхний моляр не затронут изнашиванием и принадлежит ювенильной особи (индивидуальный возраст приблизительно 3,5 года). Вторые фаланги довольно удлиненные и тонкие, относительно тоньше, чем у тарпана, и абсолютно тоньше, чем средние значения древней домашней лошади из Ботая (Северный Казахстан). Довольно длинные и тонкие вторые фаланги исключают их принадлежность тарпану. Первые задние фаланги некрупные, занимают промежуточное положение между тарпаном и ботайской лошадью (табл. 9).

Промеры костей конечностей лошади (*Equus caballus*)
из городища Коробовы Хутора (миллиметры)

Кость	Промеры					
	L med	DLM prox	DAP prox	DLM diaph	DLM dist	DAP dist
Большая берцовая (tibia)	350.0	88.0	80.3		65.0	40.0
Плюсневая (metatarsus)	262.0	46.2	41.5		46.0	36.3
Первая задняя фаланга (phalanx I poster.)	73.6	55.8	37.2	35.0	44.2	23.6
Первая задняя фаланга (phalanx I poster.)	73.5	55.0		33.8	41.6	23.8
Первая задняя фаланга (phalanx I poster.)	71.5	52.3	38.8	33.5	42.3	25.2
Вторая передняя фаланга (phalanx II anter.)	40.2	51.0		44.3	46.5	24.5
Вторая задняя фаланга (phalanx II poster.)	37.2	50.7	32.7	41.0	46.2	25.8

Домашняя свинья — *Sus scrofa*. Домашней свинье принадлежит атлас и M₂ на начальной стадии изнашивания, который принадлежит молодому животному (возраст — больше года, но меньше двух лет). Длина коронки зуба составляет 22,5 мм, ширина коронки — 14,4 мм.

Домашняя овца — *Ovis aries*. Овце принадлежат три изолированных моляра (M₂, M² и M³), а так же дистальный фрагмент большой берцовой кости. M₃ характеризуется

типичными для овцы округленными протоконидом и гипоконидом; длина коронки зуба — 22,3 мм, ширина — 14,4 мм. На основании степени изношенности зубов можно установить их принадлежность двум различным особям. М³ и М₃ находятся на сравнительно продвинутой стадии изнашивания и принадлежат более старой особи, тогда как М² менее изношен и принадлежит другой более молодой особи.

Собака — *Canis familiaris*. В материале присутствует левая ветвь нижней челюсти с М₁ и М₂ и дистальный фрагмент бедренной кости. Размеры самого крупного зуба на нижней челюсти, так называемого нижнего хищного зуба (М₁): 21,2 × 8,0 мм.

Благородный олень — *Cervus elaphus*. Благородному оленю принадлежит один поврежденный верхний третий правый моляр (М³).

Общая характеристика

Особенностью археозоологического комплекса из городища Коробовы Хутора является присутствие остатков почти исключительно домашних животных (табл. 10), причем наиболее многочисленными в материале являются фрагменты скелета крупного рогатого скота (более половины численности костных остатков и особей), на втором месте — лошадь (около четверти особей, представленных в материале). Собака, овца и коза представлены единичными скелетными элементами. Так же следует отметить незначительность модификаций костного материала в процессе археологизации: отсутствуют обугленные и обглоданные кости, всего лишь две кости крупного рогатого скота несут следы орудий труда, причем явных следов разделки туш животных не наблюдается. Это можно объяснить достаточно высокой продуктивностью животноводческого хозяйства Коробовых Хуторов, которое обеспечивало жителей с достатком животноводческой продукцией, и, как следствие, — не было необходимости в специальной разделке туш (например, для добычи костного мозга), использование в пищу менее ценных частей туш (хрящи, сухожилия, и т. п.). Отсутствие следов деятельности домашней собаки на кухонных отбросах может в данном контексте так же приниматься во внимание как свидетельство преимущественно воспроизводящего хозяйства, косвенно указывающее на то, что охота не имела на данном памятнике существенного значения: костные остатки собаки, как важного спутника охотника, малочисленны, в то же время отсутствие следов зубов собаки на кухонных отбросах можно расценить как свидетельство содержания собак на привязи как сторожевых животных. Дикая фауна представлена единственным плохо сохранившимся коренным зубом благородного оленя.

Таблица 10

Структура археозоологического материала
из городища Коробовы Хутора

Вид	кости	особи	следы обработки
<i>Bos taurus</i>	105	12	2
<i>Sus scrofa</i>	2	1	
<i>Equus caballus</i>	70	5	
<i>Ovis aries</i>	5	2	
<i>Canis familiaris</i>	2	1	
<i>Cervus elaphus</i>	1	1	
Всего	184	21	2

Вывод

Исследование фаунистических остатков с городища Коробовы Хутора свидетельствует, что охота не играла практической роли в обеспечении населения продуктами животного происхождения. Более того, 81 % особей домашнего стада относятся к потенциальному тягловым животным (крупный рогатый скот и лошади), однако

некоторые обстоятельства позволяют так же думать, что как крупный рогатый скот, так и лошадь, выращивались, прежде всего, как мясные породы. В пользу этой точки зрения может свидетельствовать приблизительно одинаковое количество костных остатков коров и быков в материале, которые с одинаковой частотой забивались для получения мяса в зрелом возрасте (нет тенденции в селективности по признаку возрастной и/или половой принадлежности, как в случае, к примеру, молочного направления животноводства). Также присутствие фрагментарных остатков ювенильной особи лошади может рассматриваться как свидетельство употребления мяса этого животного в пищу. Некоторые аналогии в демографической структуре остатков крупного рогатого скота и лошадей можно найти в средневековых археозоологических комплексах булгаро-татарского населения Казанского кремля, откуда получены несомненные свидетельства употребления мяса крупного рогатого скота и лошадей в пищу [33, с. 116–138]. Незначительное количество ювенильных особей свидетельствует в пользу того, что большинство животных использовалось населением в максимально продуктивные сроки и достигало зрелости (3–4 года). Крупный рогатый скот забивался, вероятно, по мере того, как их физические (тягловые и молочные) возможности начинали истощаться. Значительное количество костей лошади (более трети костного материала и практически четверть особей) свидетельствуют о весомой роли этого животного в жизни славянского населения памятника. Эти показатели существенно выше, чем на иных славянских памятниках Днепро-Донской лесостепи. На иных памятниках роменской культуры количество особей лошади колеблется в пределах 7,1–10,7 % [9, с. 105], что является типичным для оседлых земледельческих хозяйств лесостепной зоны Восточной Европы [34, с. 71–82].

Обратим внимание на то, что во второй половине X в. славяне-северяне сменяют на памятнике население салтовской культуры, наследуя их сельскохозяйственные угодья и само поселение. Заметим, что в состав пришедших сюда северян вошла небольшая группа оставшегося здесь предыдущего населения салтовской культуры со своими традициями [16, с. 75–76; 35, с. 237, рис. 4: 2]. Таким образом, группе северян с Коробовых Хуторов (в отличие от соплеменников на городище Водяное) не пришлось осваивать территорию, приспособивая ее под свои сельскохозяйственные нужды. Они сполна могли воспользоваться уже приспособленным под сельское хозяйство ландшафтом и угодьями (в том числе и для животноводства), полученными от своих предшественников [36, с. 119–134]. Присутствие среди славян части бывшего населения салтовской культуры, у которых конь в жизни играл значительную роль, может быть объяснением и значительного присутствию костей лошади в славянских материалах на Коробовых Хуторах.¹ Очевидно, отмеченная выше культурно-производственная преемственность между носителями салтовской культуры и славянами-северянами на данном памятнике и объясняет специфику археозоологического комплекса, который характеризуется высокоразвитым животноводством мясного направления, в том числе и предполагаемой гиппофагией, перенятой у носителей салтовской культуры, а так же отсутствием сколько-нибудь выраженных свидетельств охотничьего промысла на данном памятнике. Отмеченная специфика археозоологического комплекса ставит Коробовы Хутора особняком среди рассматриваемых в данной работе роменских памятников.

¹ Определенное сходство мы видим в значительном присутствии лошади (≈ 20 %) среди археозоологических материалов городища Битица-1 (ранний этап северянской истории), на котором также наряду со славянами проживала значительная группа выходцев с территории Хазарии [9, с. 105]. То же наблюдается и у славян на Верхнем Дону — 14–22 % (в отличие от боршевских памятников Среднего Дона — 8,9–16 %) [31 с. 47]. Более значительно влияние традиций салтовского населения на славянские памятники Верхнего Дона наблюдается и в керамическом производстве [37, с. 64–87, 95–96].

ЛИТЕРАТУРА

1. Колода В. В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы конф., посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск, 2009.
2. Підоплічко І. Г. До питання про свійські тварини трипільських поселень Халеп'я, Андріївка, Усатове // Наук. зап. ПМК. — 1937. — Кн. 2.
3. Підоплічко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. — К., 1956.
4. Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно // Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — М., 1954. — (МИА. — № 41).
5. Цалкин В. И. Дикие и домашние животные Старой Рязани // Монгайт А. Л. Старая Рязань. — М., 1955. — (МИА. — № 49).
6. Цалкин В. И. Результаты определения костных остатков животных из раскопок городища Титчиха // Москаленко А. Н. Городище Титчиха. — Воронеж, 1965.
7. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. — М., 1956. — (МИА. — № 51).
8. Цалкин В. И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ // СА. — 1969. — № 4.
9. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). — К., 1975.
10. Журавлев О. П. Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во второй половине I тыс. н. э. // Вопросы истории славян. — Воронеж, 1998. — № 12.
11. Горбаненко С. А. До історії тваринництва у слов'ян Лівобережжя Дніпра останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. — 2003. — № 2.
12. Горбаненко С. А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. — К., 2007.
13. Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. — Курск, 2005.
14. Колода В. В., Фоменко Г. Н. Osteологические материалы из славянских жилищ на городище Мохнач // Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.). — Х., 2004.
15. Колода В. В. Еще один сезон работ на городище Водяное на Харьковщине // АБУ 2002–2003 рр. — К., 2004. — Вып. 6.
16. Колода В. В. Археологический комплекс Коробовы Хутора: основные итоги исследований // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Международной науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). — Х., 2008.
17. Колода В. В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. — 2007. — № 2.
18. Колода В. В. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности, 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — Вып. 9.
19. Колода В. В. Работы на средневековых памятниках в с. Городное // АБУ 2001–2002 рр. — К., 2003.
20. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К., 2010.
21. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепровского Левобережья // Stratum plus. — 2011. — № 5.
22. Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство населения славяно-хазарской контактной зоны (на примере городища Водяное) // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Вып. 3. — Воронеж, 2012.

23. Колода В. В., Кройтор Р. В. Osteologia как отражение поэтапного развития скотоводства славяно-русского поселения Городное // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург. — СПб., 2012.
24. Кройтор Р. В. Археозоологічні комплекси із салтівських і роменських пам'яток басейну Сіверського Дінця // Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. — К., 2013.
25. Громова В. И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета (по крупным трубчатым). — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода — Т. 9. — М.; Л., 1950.
26. Fernandez H. Osteologie comparee des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres *Rupicapra*, *Ovis*, *Capra* et *Capreolus*): diagnose differentielle du squelette appendiculaire // These pour obtenir le grade de Docteur en sciences, mention biologique. — Universite de Geneve, 2001. — Т. 1–2.
27. Halstead P., Collins P., Isaakidou V. Sorting the Sheep from the Goats: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult *Ovis* and *Capra* // Journal of Archaeological Sciences. — 2002, May. — Vol. 29, Issue 5.
28. Von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University. — Bulletin 1. — 1976.
29. Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. — К., 2013.
30. Чендев Ю. Г., Колода В. В. Почвенно-археологические исследования на городище Водяное: реконструкция природной среды и хозяйственной деятельности // Древности, 2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2013. — Вып. 12.
31. Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). — Воронеж, 1995.
32. Колода В. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой археологической экспедиции Харьковского госпедуниверситета в 2002 г. // НА ИА НАНУ. — № 2002/38.
33. Асылгафарева Г. Ш. К вопросу о формах животноводческой деятельности болгаро-татарского населения (на примере древней Казани) // Новейшие археозоологические исследования в России (Антипина Е. Е., Черных Е. Н., отв. ред.) — М., 2003.
34. Кройтор Р. В. Археозоологічний комплекс з поселення Уч-Баш // Археологія. — 2012. — № 1.
35. Колода В. В. Влияние хазаро-арабо-византийских отношений на контакты славян Руси с населением Хазарии // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. — Ростов-на-Дону, 2009.
36. Колода В. В., Горбаненко С. А. Земледелие на поселении Коробовы хутора в салтовское время // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 9. — Хазарское время. — Донецк, 2012.
37. Колода В. В. Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 7. — Хазарское время. — Донецк, 2009.

Резюме

Кройтор Р. В., Колода В. В. Тваринництво пізніх сіверян на слов'яно-хазарському порубіжжі

Запропонована робота являє собою кількісний видовий та демографічний аналіз археозоологічних комплексів ранньосередньовічних роменських пам'яток Харківської області. Отримані дані дають підстави розглядати мисливський промисел як важливий

та традиційно вихідний вид господарювання сіверян. Однак в деяких випадках археозоологічний матеріал вказує на відчутний культурно-економічний вплив ззовні, як з боку носіїв салтівської культури, так і з боку Київської Русі, що втілюється у збільшення кількості решток домашніх тварин та в специфічності демографічної структури цих решток. Дані, що отримані нами, дають підстави говорити про достатню гнучкість господарчого укладу літописних сіверян.

Ключові слова: раннє середньовіччя, східна Україна, сіверяни, роменська культура, полювання, тваринництво.

Резюме

Кройтор Р. В., Колода В. В. Животноводство поздних северян на славяно-хазарском пограничье

Предлагаемая работа представляет собой количественный видовой и демографический анализ археозоологических комплексов раннесредневековых роменских памятников Харьковской области. Полученные данные дают основания рассматривать охотничий промысел как важный и исходно традиционный вид хозяйствования северян. Однако в некоторых случаях археозоологический материал указывает на ощутимое культурно-экономическое влияние извне, как со стороны носителей салтовской культуры, так и со стороны Киевской Руси, что заключается прежде всего в увеличении численности остатков домашних животных и в специфичности демографической структуры этих остатков. Полученные нами данные дают основания говорить о достаточной гибкости хозяйственного уклада летописных северян.

Ключевые слова: раннее средневековье, восточная Украина, северяне, роменская культура, охота, животноводство.

Summary

R. Rroytor, V. Koloda. Livestock Farming of Later Severyans on Slavo-Khazar Border

The article presents a quantitative systematic and demographic analysis of archaeozoological assemblages from early medieval monuments of Kharkov Region. Obtained results suggest the hunting as an important and traditional economic activity of Severyans. However, archaeozoological samples yielded by some monuments indicate an important external cultural-economical influence, particularly from the Saltov culture bearers and from Kievan Rus. This influence resulted an increase of remains of domestic animals and a specific demographic structure of animal remains. Our data revealed a rather flexible character of cultural-economical traditions of Severyans.

Key words: Early Middle Age, Eastern Ukraine, Severyans, Romenskaya Culture, hunting, animal husbandry.

